

3. Слов'янські мови та літератури

Павельева А. К.,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранных языков

Полтавского национального технического

университета имени Юрия Кондратюка

МОТИВ «ЗАКОЛДОВАННОГО МЕСТА» КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО»

«**Заколдованное место**» – это единственная повесть из цикла Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», лишённая конкретной исторической привязки в виде какого-либо события, персонажа, датирования. Несмотря на это, данное произведение по своей стилистике наиболее приближается к «Пропавшей грамоте». Мистические приключения деда в «Заколдованном месте» начинаются именно с того, чем закончилась «Пропавшая грамота» – с произвольного танца.

Основные события в повести происходят в мистическое время, когда «солнце уже стало садиться», и в мистическом пространстве. «Не поднимаются ноги, да и только!» на гладком месте возле грядок с огурцами. Как уже указывалось ранее [8], «гладкость» пространства у Гоголя свидетельствует о его демоничности, принадлежности и подвластности нечистой силе. Поэтому дед был недалёк от истины, восклицая в сердцах: «Вишь, дьявольское место!» [3, с. 167].

Важнейшим компонентом гоголевской модели мира, её пространственной парадигмой, является мотив заколдованного места. «Это точка пересечения вещественного и недостоверного, реально-бытового и призрачно-фантастического», – пишет М. А. Еремин [5, с. 291]. Следует добавить, что к

топосу и локусу «заколдованного места» у Гоголя чрезвычайно близок (а иногда даже идентичен ему) топос и локус «проклятого места». Кроме того, как и в повести «Вечер накануне Ивана Купала», в «Заколдованном месте» рассказчик подчёркивает «проклятость» заколдованного места.

Мистический локус на баштане главного героя повести в таинственное ночное (мистическое) время является порталом в дьявольское, «нечистое» пространство. В такую же, лишённую растительности местность его и «затащила нечистая сила»: «Оглянулся: <...> назад, впереди, по сторонам – гладкое поле» [3, с. 167]. Герой повести оказывается в своеобразном параллельном измерении – демоническом, «нечистом» аналоге привычного ему мира, который представляется неточной копией знакомого ему пространства. «Эти миры очень похожи, но сходство их – лишь внешнее: сказочный мир как бы притворяется обыденным, надевает его маску», – пишет Ю. М. Лотман [6, с. 628].

Кроме того, пространственные деформации в повести происходят в характерной для мистических пространств темноте: «Месяца не было; белое пятно мелькало вместо него сквозь тучу» [3, с. 167]. Как и в повестях «Пропавшая грамота» и «Вий», перед героем мелькают таинственные огоньки: «Глядь, в стороне от дорожки на могилке вспыхнула свечка», затем «свечка потухла; вдали и немного подалее загорелась другая» [3, с. 167]. Примечательно, что этот мистический свет горит не впереди и не на тропинке, а именно «в стороне от дорожки», предвещающая путнику неприятности, «увлекая» его, сбивая его с пути (реального, физического – пространственного, и метафорического – жизненного пути).

Именно нечистый формирует в произведениях Гоголя топос «заколдованных мест» и «проклятых мест». Так и в повести «Пропавшая грамота» чёрт (в широком значении) «играет» с пространством, «обморачивает» и дурачит героя. Нечистая сила создаёт несколько вариантов одной и той же местности, издевается над дедом и запутывает его, ведь

окружающее его пространство кажется ему одновременно и знакомым, и незнакомым.

Большую роль в повести играет числовая символика. Герой предпринимает три попытки найти клад. Трое «нечистых» в облике зверей (птичьего носа, бараньей головы, медведя) трижды повторяют за дедом его слова и восклицания. Это не случайный момент, ведь мистическое пространство у Гоголя является отражением реального, бытового, человеческого, но только в искажённом виде.

При этом с каждым проникновением деда в демонический топос местность становилась всё более странной и необыкновенной, а окружающая среда – всё более неблагоприятной для непрошенного гостя. Так, уже во второй раз «дождь пустился, как будто из ведра», а мистическое пространство растянулось: «Место точь-в-точь вчерашнее: вон и голубятня торчит; но гумна не видно. <...> Поворотил назад, стал идти другою дорогою – гумно видно, а голубятни нет! Опять поворотил поближе к голубятне – гумно спряталось. <...> Побежал снова к гумну – голубятня пропала; к голубятне – гумно пропало» [3, с. 168]. Ю. М. Лотман предполагает, что в данном эпизоде сказочный мир «надевает на себя» маску обыденного пространства, «но оно явно не по его мерке: разрывается, морщится и закручивается» [6, с. 629].

На третью ночь деда напугали «птичий нос», «баранья голова» и медведь, а окружающее героя пространство вздыбилось и деформировалось: «Какая ночь! ни звезд, ни месяца; вокруг провалы; под ногами круча без дна; над головою свесилась гора и вот-вот, кажись, так и хочет оборваться на него!» [3, с. 169]. Похоже, что мистическое пространство дьявольского измерения «стянулось» к микролокусу, точке местонахождения деда, нагромождая под его ногами ужасающие пропасти, а над его головой – умопомрачительные горы.

То есть, в течение трёх ночей наблюдается тройная трансформация пространства по нарастающей: если в первую ночь оно практически ничем не отличалось от бытового пространства, то в третью – фантастически исказилось, наводя на героя страх. Более того, когда дед попадает в этот мистический топос

в третий раз, не только сгущается темнота и раздаётся дьявольская какофония ужасающих звуков, от которых «дрожь проняла деда», но и появляется «нечисть» в зверином облике, «мерзостная рожа» и оживший пенёк дерева.

Как и в повести «Пропавшая грамота», «нечисть» не только видоизменяет заколдованное пространство, но и некоторое время преследует героя за вторжение в её мир. Причём эти преследования проявляются на бытовом уровне. Так, жена героя из «Пропавшей грамоты» непроизвольно подпрыгивала на лавке, в то время как ей снился абсурдный, сюрреалистический сон, а невестка деда из «Заколдованного места» приняла его за бочку и облила помоями.

Эта история, по мнению М. В. Теплинского, должна была дать ответ на такой важный вопрос: может ли человек «совладать, как говорят, с нечистой силой». Дьячок-рассказчик уверен, что не может: «Захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит...» [3, с. 165]. Автор также подчёркивает эту мысль, играя с пространством.

Библиографический список

1. Ветчинкина Ю. В. Локус шинка в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Гоголевский сборник. Вып. 2(4). Санкт-Петербург, Самара : Изд-во СПбГУ, 2005. С. 255–256.

2. Гоголь М. В. Вечори на хуторі біля Диканьки; Миргород / упоряд. тексту, авт. ст. та прим. В. Я. Звиняцьковський; іл. С. Г. Якутовича. К. : Либідь, 2008. 488 с.

3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Гл. ред. Н. Л. Мещеряков; Ред. : В. В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Н. Л. Мещеряков, Н. К. Пиксанов, Б. М. Эйхенбаум. – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

4. Дмитриева Е. Е. К вопросу об «исторических неточностях» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Н. В. Гоголь : Загадка третьего тысячелетия :

Первые Гоголевские чтения : Сб. докл. М. : Книжный дом «Университет», 2002. С. 49– 63.

5. Еремин М. А. «Очевидное» и «невероятное» в художественном мире Н. В. Гоголя и В. А. Пьецуха. Шестые Гоголевские чтения : Материалы докладов и сообщений Международной конференции. М. : КДУ, 2007. С. 288–299.

6. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя. О русской литературе : Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб.: «Искусство-СПБ», 1997. С. 621–658.

7. Осипова Н. О. Мифологема пути в художественном пространстве петербургских повестей Гоголя. Н. В. Гоголь и народная культура. Седьмые Гоголевские чтения : Материалы и сообщения международной конференции, Москва, 30 марта – 4 апреля 2007 года. М. : ЧеРо, 2008. 416 с. С. 220–227.

8. Павельева А.К. Художественное время и художественное пространство в циклах Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»: дис. ... канд. філол. наук: 10.01.02. Полтава, 2012. 213 с.